

КТО КОМУ ПОДОБЕН? (К ВОПРОСУ О БОГОПОДОБИИ ЧЕЛОВЕКА)

Гольченко В.Н. (г. Запорожье)

Аннотация

В статье анализируется проблема становления человека как богоподобного существа, отношения человека к человеку, проблема Бога и отношение к нему человека.

Ключевые слова

ДУХОВНОСТЬ, ДУХОВНЫЕ ОБНОВЛЕНИЕ, ВЕЧНОСТЬ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ, БЛАГОПОДОБИЕ, НАУКА И РЕЛИГИЯ, ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ВОЛЬНОДУМЕЦ.

Введение

В многообразии проблем, которые стоят сегодня перед человечеством, как в глобальном масштабе, так и в более узком (становом, региональном и т. д.) отношении, особое место занимает все связанное с духовностью – ее сохранением, возрождением, углублением. Наиболее остро такого рода проблемы переживаются обществами и странами, которые осуществляют процесс глубокой трансформации всех сфер общественной жизни. Народам, которые находятся в так называемом переходном состоянии, приходится испытывать двойную нагрузку: к вечным вопросам человеческого бытия (проблемам цели и смысла жизни, связанными с кратковременностью человеческой жизни, неминуемости смерти, абсурдности мира и т. п.) добавляются специфические конкретно – исторические проблемы (снижение жизненного уровня в результате серьезных социально – экономических потрясений, усиление безнадежности и неуверенности в ближайшем будущем и т. д.)

Обсуждение проблемы

Сказанное в полной мере относится к реалиям современного украинского общества. Поэтому совершенно не случайно проблемы духовного обновления и возрождения являются одними из наиболее обсуждаемых и исследуемых. Выскажем предположение, что духовное возрождение общества, возрастание моральности людей в частности, не может быть обеспечено без создания атмосферы известной религиозности. Меньше всего при этом мы имеем в виду расширение церковно-конфессиональной практики (количественный рост числа религиозных течений, активное (даже лихорадочное) возведение культовых сооружений и тому подобное. Речь идет, прежде всего, о формировании такой духовной атмосферы, в которой преодолевается безбожность (когда нет у человека «царя в голове и бога в душе»), и тем самым человек получает возможность внутренне (из самого себя) подняться над текущим, сиюминутным, обнаружить среди обыденности нечто высшее, абсолютное – то, что возвышает человека над самим собой.

Начнем с того, что человеку вполне достоверно известно/то есть он по существу знает/о его собственной конечности, о том, что он как живое существо смертен. В конечном счете, любой человек в норме в той иной мере понимает, что его жизнь есть не что иное, как более или менее продолжительный миг между рождением и кончиной, между собственным до – бытием и после – бытием, то есть двумя проявлениями небытия.

Но почему, как и откуда он знает об этом? Несмотря на безусловность и достоверность отмеченного факта, здесь далеко не все так уж и просто. Сложность начинается с того момента, где сталкиваешься с не менее бесспорным фактом отсутствия у каждого живого конкретного человека собственного опыта своей конечности. Приходится констатировать, что единственным источником такого знания и понимания есть «другие». Таким образом, отсутствие собственного опыта компенсируется «чужим».

Человек в рамках собственной жизни о собственной конечности из самого себя ничего узнать не может, такое знание ему «доставляют» другие. Однако, через другого, через других, в согласии с ними, человек познает, (осмысливает) не только свою конечность, но и потенциальную бесконечность (бессмертие) того в самом себе, что выступает сугубо человеческим свойством, того, по – крайней мере, что дает ему знание конечности, смертности.

На переходе между обнаруженными бесспорными фактами образуется разлом, служащий основанием для формулировки вопроса о смысле жизни. Более того, обнаруживается, что этот вопрос неразрешим в рамках самой жизни, а потому возникает основание для вывода об изначальной бессмысленности жизни. При этом, однако, нет серьёзных аргументов в пользу заключения о ненужности жизни. Человек с одинаковой необходимостью ставит перед собой вопрос о смысле собственной жизни и жизни вообще и доходит при этом до понимания невозможности найти ответ на этот вопрос. Выход видится в признании того, что смысл жизни состоит в процессе жизни: чтобы ответить на такой ключевой вопрос необходимо ... жизнь прожить. Это и будет ответ, однако, так сказать «задним числом». Выходит, что жизнь человека имела смысл, но никогда его не имеет.

Сказанное позволяет говорить, что рассуждения о смысле человеческой жизни возможны лишь с такой позиции, лишь с той точки зрения, которая находится за пределами самой жизни. Иными словами, чтобы ответить самому себе на вопрос о смысле собственной жизни следует взглянуть на самого себя из – за пределов или границ собственного существования. В безусловной человеческой конечности, на её «пределе» присутствует, таким образом, момент вечности – бесконечности. Как это ни странно, но именно понимание своей конечности, временности, «историчности»

даёт человеку основание для понимания смысла своей жизни. Как все сущее он конечен, но он призван сущим продемонстрировать ему /сущему/ это. То есть, он демонстрирует всему сущему его «сущность» и, таким образом, вечность. В конечном человеке бесконечность осознаёт себя в таком своём качестве и тем самым «выводит» и самого человека за пределы его конечности, наделяет его особой способностью с полным на то основанием рассуждать о собственном бессмертии. Человек, следовательно, призван, что и составляет недоказуемый смысл его жизни, показать вечность через конечность.

Термин «недоказуемость», употреблённый выше, требует уточнения. По большому счету, следует говорить, что смысл жизни является проблемой столь же недоказуемой, сколь и доказуемый. Имеет, следовательно, место неопределенность, выступающая свидетельством пограничности человеческого существования. За этой границей и «расположено» нечто, что может быть названо Богом, однако не в привычно – обыденном смысле этого слова. Существует то, что должно браться в его принципиальной недоказанности и недоказуемости, не теряя при этой своей реальности. К таким положениям можно отнести два тезиса (постулата): во-первых, мир как таковой вечен, бесконечен и безмерен, что относится и к миру человека, во-вторых, человек историчен, конечен и в то же время потенциально бессмертен, уже потому хотя бы, что человек – это мир человека. В мире людей живой конкретный человек находит доказательства своей конечности, обнаруживая там же собственную потенциальную бессмертность и возможность для той или иной её актуализации, хотя последнее означает не что иное, как попытку говорить о «конечной бесконечности», «смертном бессмертии», «исчислимости неисчислимого».

Допущение вечности и бесконечности сущего влечёт за собой вывод о том, что атрибуты его так же вечны и бесконечны. Поэтому и дух – способность материи осознавать себя – возможен всегда и везде. При этом подобный вывод не только не требует доказательств, но и исключает любые доказательства. В этом смысле размышления о бессмертной душе и духе не есть религиозная выдумка или нелепость, придуманная неразвитым, примитивным разумом. Иное дело, что исторические типы и уровни мировоззрения представляются как непрерывная попытка подступиться к этой сложнейшей проблеме с разных позиций и с разной степенью приближения к ней.

Мы намеренно акцентируем внимание на потенциальности бессмертия человека как носителя духа главным образом с тем, чтобы избежать обвинения в попытке отрицать смертность, конечность реальных, живых людей. Смысл состоит не в том, чтобы

придать человеку черты бессмертия, а в том, чтобы очеловечить бессмертие, придать вечности человеческий характер. В реальной действительности человек постоянно имеет дело с конечными вещами и процессами. Бессмертие присутствует на границах, на пределах. Оно «является» человеку в виде проблесков, чувственно неуловимых, но не становящихся от этого менее реальными, чем всё чувственное.

Может быть наиболее сложным вопросом для человека является понимание им того, что он в принципе ничем не ограничен, поскольку выступает /или является/ свидетельством вечного и бесконечного бытия. Совмещение в человеке несовместимых вещей – его явной ограниченности и безграничности – делает его носителем постоянного противоречия. Собственно человек может быть назван воплощённым противоречием.

Одной из попыток разрешить собственную противоречивость есть способность и попытка человека посягнуть на самые основы бытия. Может быть именно таким обстоятельством может быть объяснено то, что с точки зрения здравого рассудка не укладывается ни в какие рамки: изобретение человеком самых изощренных способов и методов уничтожения себя и себе подобных, садистское наслаждение мучениями ближнего и дальнего, намеренное увеличение массы и разнообразия таких мучений. Человек как бы постоянно «провоцирует» сам себя и все сущее: есть ли где – то предел и граница его своеволию, волюнтаризму, его «беспределу»? В конечном счёте он доходит /способен дойти/ до осознания того, что границей является только он сам, что границы в привычном смысле здесь как таковой просто – на просто нет. Это способно порождать у человека своего рода сомнение в своей конечности: где – то подспудно человек не верит сам себе по поводу того, что его когда-то может не быть.

Человеку не дано жить «спокойно», поскольку его жизнь есть процесс нахождения согласия в том, что по сути своей не может быть примирено. Более того, человеку приходится соглашаться, так сказать, «дважды»: он может не принимать свою конечность и соглашаться с тем, что он есть определенное «что – то», и в то же время он не может не приходить к пониманию себя как к проявлению вечности, как носителя бессмертия, выступая, таким образом, в качестве «ничто».

Парадоксом человеческого существования является то, что человек по логике вещей не желает быть ни смертным, ни бессмертным, хочет жить вечно и не согласен с этим. Ситуация складывается неразрешимая и носителем этой неразрешимости выступает сам человек. В такой неразрешимости и коренится вопрос о смысле жизни, постоянно вставая перед человеком и постоянно от него ускользая, не поддаваясь тем самым какому – либо решению.

Неразрешимость того, что требует решения и порождает феномен разрушительности для самой жизни постановки вопроса о смысле жизни.

Одним из способов и попыток преодолеть ситуацию неразрешимости и облегчить тем самым жизненные муки являются религиозные искания человека, сопровождающие его в истории человечества и в индивидуальной биографии с того момента, когда человечество и человек начинают мыслить.

Религию мы рассматриваем, как попытку преодолеть непреодолимую пропасть между конечностью и бесконечностью, как стремление преодолеть разрыв между человеком как определенным «что-то» и неопределенным «ничто». Она касается всего того, что не может быть рационально осмысленно и проанализировано, не может быть высчитано и подсчитано, именно в силу того, что бесконечность при всем желании и всем интеллектуальном напряжении не может быть представлена как сумма конечностей.

Религия, следовательно, одновременно демонстрирует как безграничность, так и ограниченность разума. Точнее говоря, она есть тот «мостик», который соединяет потенциальную бесконечность разума и его актуальную конечность. При этом можно сколько угодно подчеркивать, что это соединение носит иллюзорный характер, но суть в том, что сами такие оценки носят исключительно рациональный характер и потому не могут служить опровержением того, что религиозные искания человека есть разновидность его духовных устремлений и достижений.

С момента осознания себя в своем человеческом, отличном от всего сущего, качестве человек пытается найти того/то или что/, кто мог бы вместо него преодолеть отмеченную ситуацию неразрешимости. Необходим своеобразный спаситель/Спасатель - !/, обладающий такими качествами, которые исключают саму возможность поставить на его счет вопрос: он есть или его нет? В таком смысле Бог выступает как-то, по поводу чего немыслима сама мысль о его доказуемости или недоказуемости. Доказанный Бог перестаёт быть Богом. Однако это не мешает человеку время от времени предпринимать попытки доказать бытие Бога либо же чисто рациональными усилиями опровергнуть его существование. Эти попытки можно рассматривать в качестве косвенного доказательства безграничности духа, который сам перед собой способен поставить вопросы, не поддающиеся решению.

Сказанное позволяет говорить об известной бессмысленности противопоставления науки и религии, хотя бы в плане того, что из них «хуже» или «лучше», «выше», или «ниже». Подчеркнем особо, что наука и религия не исключают друг друга, не входят в состояние неразрешимого конфликта, по – крайней мере, до тех пор, пока не начинают «посягать» одна на другую, пока не пытаются возвыситься

одна над другой, или подчинить себе одна другую. Их, скорее всего, следует рассматривать, как различные попытки духа проявить себя, как разные способы и пути «вхождения» человека в мир, приобщения его ко всему сущему. При этом наука стремится максимально познать /и освоить/ действительность такой, как она есть «сама по себе» /объективно/, а религия выступает попыткой понять сущее через призму извечного вопроса о соотношении поту – и посюстороннего.

Поиск человеком Бога начинается там и тогда, где и когда он, т. е. человек, сталкивается с проблемой своей собственной сути. Поэтому формирование представлений о трансцендентном, о сверхъестественном идет от человека, изнутри, а не извне. В этом плане представляются довольно наивными попытки объяснить происхождение и суть религии, представления о Боге слабостью человека, его бессилием и беспомощностью на первых этапах его развития. Думается, что таким образом объясняются лишь некоторые, не самые существенные моменты этой сложной проблемы. Если остановиться только на таком рода объяснениях, то становится непонятной ситуация в современном мире, в котором достаточно органично сочетаются растущая религиозность и все возрастающая мощь и могущество человека.

Вечность проблемы Бога /хотя употребление в данном случае термина «проблема» требует существенных оговорок/ и неуничтожимость тем самым религиозной формы общественного/ и индивидуального/ сознания объясняется, прежде всего, тем, что человек есть вечная проблема для самого себя. Ближайшее и самое «родное» для каждого человека – его собственное «Я» – оказывается тем, что не поддается окончательному пониманию и объяснению – постижению. В самом человеке обнаруживается нечто такое, что не укладывается в рамки самой совершенной логики. Именно это с неизбежностью толкает человека к поискам Бога вне себя, за пределами себя – в запредельности, трансцендентности.

В данном случае возникает необходимость внимательно присмотреться к известному уничтожению о божественном начале в человеке /к проблеме богоподобия/. Не зря, скорее всего, сказано, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Осмелимся утверждать, что человеческое в человеке есть именно его божье начало. Именно это постоянно устремляет человека к Богу, «достать» до которого он не в состоянии, но что, тем не менее, пытается сделать. Имеет место бесконечный по своей сути процесс движения к тому, что не может быть достигнуто.

Каким образом может быть разорван такой замкнутый круг? Как преодолеть такое противоречие? Скажем, что такой вопрос сам по себе противоречив, так как сформулирован по поводу того, что не поддается преодолению и разрешению. Нам предоставляется, что единственным выходом может быть философское отношение к такой

проблематике и её философское осмысление. Как отмечал А.Ф. Лосев, «мы должны быть философами, а уже самая элементарная философия гласит, что мир есть бесконечность, и что каждый из нас есть часть этой бесконечности, то есть, так или иначе, несет на себе её печать. Правда, бесконечность нельзя охватить, но зато к ней можно вечно стремиться» [1, 308]. Конечно, ситуация, когда конечная вещь, поскольку она выступает как часть мироздания, отражает тем самым бесконечность, есть по существу своему определённое чудо. Однако, такого рода «чуждость» не противоречит и не противостоит требованиям научности и т. д. В данном случае мы сталкиваемся с чудом, так сказать, естественного свойства.

Имеются основания утверждать, что бесконечный поиск и процесс обнаружения человеком в самом себе божественного начала составляет то, что называется смыслом жизни человека. Невероятная сложность ситуации в том, что человек, по сути, обречён постоянно соглашаться с наличием в нём божественной искры, и с тем, что её обнаружение и раскрытие столь же возможны, сколько и невозможны.

Человек, говоря иными словами, призван познать и понять божественный дар – то, что ему дано, но до сих пор не реализовано, да и не может быть никогда и никем реализовано до конца. В известном отношении, Бог действительно дал человеку «частицу» собственной сущности, а теперь «ждёт» адекватного ответа: человек должен понять и себя и другого как дар Божий, как – то, что есть проблеском Абсолюта в конечном и тленном.

Исходя из сказанного, следует признать полную правомерность, и даже величие неоднократно возникшей в истории человеческой мысли идеи о том, что человек человеку есть Бог. Предельным случаем согласия человека с самим собой и другими людьми/и с миром в целом/есть обожествление человека человеком. Речь не идёт при этом о попытках заменить Бога или отменить его, а именно о стремлении увидеть божественную сущность человека. «В основе обожествления человека лежит истина, – отмечал К.Ясперс, – что в мире единственно подлинное для человека – человек. В человеке есть нечто, оправдывающее слова: Бог сотворил человека по образу и подобию своему: но человек отступил от Бога и поэтому в каждом человеке как человеке образ Божий затуманен. Великие люди служат ориентацией и образцом для последующих поколений, предметом поклонения и указанием не возможный путь к возвышению, хотя при этом они остаются людьми со своими недостатками и неудачами и поэтому никогда не могут служить предметом подражания. Отношение человека к человеку свободно, если для индивида существует в качестве опоры его жизни историческая связь с определёнными индивидами, основанная на традиции и наполненная любовью» [2, 489-490]. Обратим внимание

на упоминание величия и великих людей. Думается, что меньше всего в данном случае следует усматривать стремление принизить человека не великого, а простого, среднестатистического. Обожествление человека означает, по нашему мнению, желание, способность и умение увидеть момент величия/ и божественности/ в самом обыденном человеческом существовании и проявлении.

Ведя разговор о богоподобии и обожествлении человека, мы приходим к необходимости некоторым образом определиться с проблемой роли и места вольнодумства и атеизма в общественной мысли. Не вдаваясь в подробный анализ этой большой проблемы, отметим лишь некоторые моменты. Вольнодумство выступает как стремление человека /точнее, человеческого духа/ преодолеть им же созданные границы. Поэтому, вольнодумец – это не тот, кто, как ему может представляться, разрушает все внешние ограничения и отрицает трансцендентное, а тот, кто, на самом деле, поднимается в мысли над самим собой. В таком случае и атеизм приобретает вполне определённый смысл. Если его понимать как голое отрицание бога, то складывается абсурдная ситуация. Отрицается то, существование чего изначально отвергается или не признаётся. Иными словами, предпринимается попытка доказать отсутствие того, чего нет. Поэтому мы считаем, что атеизм допустим и оправдан исключительно в том отношении, что он есть стремление сохранить за человеком человеческое. Последнее же ни в коей мере не предлагает отрицания или опровержения божественного. Такое посягательство превращает атеизм в бесчеловечное и даже античеловечное занятие. С этой точки зрения, практические попытки сформировать атеистическое мировоззрение как господствующее в обществе, а тем более создать атеистическое общественное устройство, равносильны уничтожению человеческого в человеке. Таково объективное содержание подобных попыток, несмотря на благость намерений, убедительность и аргументированность заявлений и деклараций тех, кто такие попытки предпринимает на практике и обосновывает в теории.

Выводы

Может сложиться впечатление, что автор вопреки своим утверждениям пытается всем сказанным исподволь «сконструировать» очередное доказательство бытия Божьего. Попытаемся показать, что далеки от этого. Итак, является ли проблема Бога – его существования, роли, влияния – проблемой? Любой вопрос имманентно содержит в себе некое сомнение о вопрошаемом. Могут ли быть сомнения о Боге? По логике вещей вопрос «Есть ли Бог?» содержит сомнение в его существовании, хотя само это понятие изначально подразумевает его безусловность. В духовном опыте человека Бог есть то, что может быть и доказано и не доказано, по поводу чего лишена смысла постановка вопроса «есть

или нет? Речь, таким образом, идёт о постоянно возникающей перед человеком и постоянно ускользающей от него возможности совместить конечное и бесконечное, преходящее и вечное. По большому счёту, для человека Бог есть внутреннее предчувствие в самом себе момента абсолютности – бесконечности. Вопрос не о количестве вариантов такого предчувствия. Существенно то, что Бог есть поддерживающее человеческое в человеке или, иными словами, сверхчеловеческое в самом человеке. Однако, осознавая себя в единстве конечности и бесконечности, человек понимает, что сверх него ничего нет, а потому действительным Богом для него есть сам человек в своём сверхусилии.

Переводя сказанное на «земной» язык, скажем довольно банальную вещь: сделать свою жизнь достойной звания «человеческой» способен, и признан сам человек. Задачей же организаций и структур, созданных людьми/объединения, ассоциации, политические партии, государство, наконец/ является не «осчастливливание» людей, а «расчистка» максимально широкого пространства – времени для такого рода самодеятельности и разработка цивилизованных правил «игры» на этом поле.

Источники

1. Лосев А. Ф. Дерзание духа. – М.: Политиздат, 1988.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

Стаття надійшла 05.02.2005 р.